МОЯ СЕМЬЯ

ЧИТАЕМ САМИ

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

1-4 КЛАСС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Семья – это, наверное, главное, что должно быть в жизни каждого человека. Не только семейные радости, но и драмы отражены на страницах этой книги.

Читая эти произведения, ребенок сможет хорошо подготовиться к урокам чтения и литературы и ознакомиться со стихами и прозой, которые не включены в традиционные хрестоматии и учебники.

- Составитель С. Ф. Дмитренко
  - Родителям, учителям и любознательным школьникам
  - Юлия Жадовская
  - Николай Огарёв
  - Иван Никитин
  - Константин Случевский
  - Фёдор Сологуб
  - Дмитрий Мережковский
  - Игорь Северянин
  - Олег Романов
  - Марина Цветаева
  - Сергей Есенин
  - Валерий Брюсов
  - Саша Чёрный
  - Николай Лесков
    - Неразменный рубль
  - Лидия Чарская
    - Урок
  - Александр Куприн
    - Бедный принц
  - Иван Бунин
    - Снежный бык

Составитель С. Ф. Дмитренко
Моя семья. Произведения русских писателей о родителях и семье

Родителям, учителям и любознательным школьникам

Эта книга не заменяет, а существенно дополняет традиционные хрестоматии и сборники по литературному чтению. Поэтому вы не найдёте здесь многих знаменитых произведений, постоянно перепечатывающихся и включённых в названные книги. К счастью, русская литература неисчерпаемо богата и расширять свой круг чтения можно бесконечно, было бы увлечение. В этой небольшой книге представлены стихи и проза русских поэтов и писателей XIX – XX веков. Кто-то подходит под довольно условное определение классик, кто-то сегодня малоизвестен, но произведения всех объединяет одно – они талантливо написаны. И поэтому читаются с тем же сердечным волнением, как и много десятилетий назад.

Семья – главная и сложнейшая форма человеческого существования, и эта её сложность, проблемы семьи, не только радости, но и драмы, даже трагедии отражены на страницах книги. Не надо бояться переживаний во время чтения – люди давно поняли, что искусство, литература способны возвышать нашу жизнь состраданием. Перед вами пройдут разные семьи – бедные и богатые, счастливые и гибнущие…

В эпоху всеобщего распространения Интернета и лёгкости получения посредством его любой справки и пояснения мы решили обойтись без систематических комментариев к текстам и подробных биографических справок о писателях. Кому-то из читателей они могут понадобиться, кому-то – нет, но во всяком случае каждый школьник получает прекрасную возможность убедиться, что самостоятельный поиск толкований непонятных

слов и выражений в Интернете не менее увлекателен, чем знаменитые «стрелялки» и тому подобные аттракционы.

Также хочется надеяться, что чтение книг нашей серии вызовет у школьников желание прочитать и другие произведения прекрасных русских писателей, тем более что некоторые печатаемые здесь произведения мы по понятным причинам вынуждены давать в сокращении.

Доброго вам чтения!

Юлия Жадовская

«Ах, бабушкин сад!..»

Ах, бабушкин сад!
Как счастлив, как рад
Тогда я бывал,
Как в нём я гулял,
Срывая цветы
В высокой траве,
Лелея мечты
В моей голове…
Ах, бабушкин сад!
Живой аромат
Цветущих кустов;
Прохладная тень
Высоких дерев,
Где вечер и день
Просиживал я,
Где сладко меня
Лелеяла тень…
Ах, бабушкин сад!
Как был бы я рад
Опять погулять
Опять помечтать
В заветной тени,
В отрадной тиши —
Все скорбные дни,
Всё горе души
На миг позабыть,
И жизнь полюбить.

Николай Огарёв

Изба

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.
Вечер зимний длится;
Дедушка в избе
На печи ложится,
И уж спит себе.
Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь,
И лучина бледно
Перед ней горит.
Всё в избушке бедной
Тишиной томит;
Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

<1842>

Иван Никитин

Дедушка

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.
Бел как лунь, на лбу морщины,
С испитым лицом.
Много видел он кручины
На веку своём.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взгляд;
Смерть в могилу уложила
Деток и внучат.
С ним в избушке закоптелой
Кот один живёт.
Стар и он, и спит день целый,
С печки не спрыгнёт.
Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть —
Вот и сыт. Его отрада —
В Божий храм ходить.
К стенке, около порога,
Станет там, кряхтя,
И за скорби славит Бога,
Божее дитя.
Рад он жить, не прочь в могилу —
В тёмный уголок…
Где ты черпал эту силу,
Бедный мужичок?

<1857 или 1858>

Константин Случевский

Облик песни

Ты запой, ребёнок милый,
Песню… Как её слова?
Ту, что, помнишь, мать певала,
Как была она жива.
Я той песни, славной песни,
Забываю склад и лад,
Ты же всю, малютка, помнишь…
Пой, дитя, я слушать рад.
Пой, а я по синим глазкам
И по голосу – начну
Вспоминать, сзывать и строить
Золотую старину…
Пусть звучит, плывёт и блещет
Из-за слёз моих очей
По тебе, мой сиротинка,
Облик матери твоей.

Фёдор Сологуб

«Я из училища пришёл…»

Я из училища пришёл,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.
Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела.
Порой ворчала и бранила.
В одной рубашке стол наш я
Накрыл. «Живей! Не будь же копой!
Ну, а салфетка где твоя?
Да ты ногами-то не шлёпай!
Варила я, а ты носи!
Неси-ка щи, да осторожно, —
А то ведь, боже упаси!
И обвариться щами можно».
Сходил ко всенощной; потом
Возился в кухне с самоваром.
Весь раскрасневшись, босиком,
Я внёс его, кипящий паром.
Чай выпит. «Ну, пора и спать».
И всё благополучно было:
Сегодня не сердилась мать
И ласково благословила.
Сказала: «Раньше поднимись
Тетрадки править пред обедней,
Теперь же поскорей ложись,
И не читай ты светских бредней».

Между 1882 и 1885

Дмитрий Мережковский

Мать

С ещё бессильными крылами
Я видел птенчика во ржи,
Меж голубыми васильками,
У непротоптанной межи.
Над ним и надо мной витала,
Боялась мать – не за себя,
И от него не улетала,
Тоскуя, плача и любя.
Пред этим маленьким твореньем
Я понял благость Вышних Сил,
И в сердце, с тихим умиленьем,
Тебя, Любовь, благословил.

Игорь Северянин

В парке плакала девочка

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: «Посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю»…
И отец призадумался, потрясённый минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.

1910

Олег Романов

«Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает…»

Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает…
Мы все вокруг стола в столовой собрались,
Смыкаются глаза, но лень нам разойтись,
А сонный пёс в углу старательно зевает.
В окно открытое повеяла из сада
Ночная, нежная к нам в комнату прохлада.
Колода новых карт лежит передо мною,
Шипит таинственно горячий самовар,
И вверх седой, прозрачною волною
Ползёт и вьётся тёплый пар.
Баюкает меня рой милых впечатлений
И сон навеяла тень сонной старины,
И вспомнился мне пушкинский Евгений
В усадьбе Лариных средь той же тишины.
Такой же точно дом, такие же каморки,
Портреты на стенах, шкапы во всех углах,
Диваны, зеркала, фарфор, игрушки, горки
И мухи сонные на белых потолках.

Домниха, 1912—1913

Марина Цветаева

За книгами

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй». – «А где картон?»
«Что за тон?» – «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело… жить… на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд…» – «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки…
Огонёчки фонарей…
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус солёного прилавка.

Сергей Есенин

Бабушкины сказки

В зимний вечер по задворкам
Разухабистой гурьбой
По сугробам, по пригоркам
Мы идём, бредём домой.
Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.
И сидим мы, еле дышим.
Время к полночи идёт.
Притворимся, что не слышим,
Если мама спать зовёт.
Сказки все. Пора в постели…
Но а как теперь уж спать?
И опять мы загалдели,
Начинаем приставать.
Скажет бабушка несмело:
«Что ж сидеть-то до зари?»
Ну а нам какое дело —
Говори да говори.

<1914–1915>

Валерий Брюсов

Колыбельная

Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.

Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,
Разевают клюв и пасть.
Ты не бойся, здесь кроватка,
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.

Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнёздах
Звери, лёгшие на роздых…
Вой волков и крики сов,
Не тревожьте детских снов!

1919

Саша Чёрный

Когда никого нет дома

В стёкла смотрит месяц красный,
Все ушли – и я один.
И отлично! и прекрасно!
Очень ясно:
Я храбрее всех мужчин.

С кошкой Мур, на месяц глядя,
Мы взобрались на кровать:
Месяц – брат наш, ветер – дядя,
Вот так дядя!
Звёзды – сестры, небо – мать…

Буду петь я громко-громко!
Буду громко-громко петь,
Чтоб из печки сквозь потёмки
На тесёмке
Не спустился к нам медведь…

Не боюсь ни крыс, ни буки, —
Кочергою в нос его!
Ни хромого черта клуки,
Ни гадюки —
Никого и ничего!

В небе тучка, как ягнёнок
В завитушках, в завитках.
Я не мальчик, я слонёнок,
Я тигрёнок,
Задремавший в камышах…

Жду и жду я, жду напрасно —
Колокольчик онемел…
Месяц, брат мой, месяц красный,
Месяц ясный,
Отчего ты побледнел?

1921

Мамина песня

Синий-синий василёк,
Ты любимый мой цветок!
У шумящей жёлтой ржи
Ты смеёшься у межи,

И букашки над тобой
Пляшут радостной гурьбой.
Кто синее василька?
Задремавшая река?

Глубь небесной бирюзы?
Или спинка стрекозы?
Нет, о нет же… Всех синей
Глазки девочки моей.

Смотрит в небо по часам,
Убегает к васильков,
Пропадает у реки,
Где стрекозы так легки —

И глаза её, ей-ей,
С каждым утром всё синей.

Николай Лесков

Неразменный рубль

Глава первая

Есть поверье, будто волшебными средствами можно получить неразменный рубль, то есть такой рубль, который, сколько раз его ни выдавай, он всё-таки опять является целым в кармане. Но для того чтобы добыть такой рубль, нужно претерпеть большие страхи. Всех их я не помню, но знаю, что, между прочим, надо взять чёрную без одной отметины кошку и нести её продавать рождественскою ночью на перекрёсток четырёх дорог, из которых притом одна непременно должна вести к кладбищу.

Здесь надо стать, пожав кошку посильнее, так, чтобы она замяукала, и зажмурить глаза. Все это надо сделать за несколько минут перед полночью, а в самую полночь придёт кто-то и станет торговать кошку. Покупщик будет давать за бедного зверька очень много денег, но продавец должен требовать непременно только рубль, – ни больше ни меньше как один серебряный рубль. Покупщик будет навязывать более, но надо настойчиво требовать рубль, и когда, наконец, этот рубль будет дан, тогда его надо положить в карман и держать рукою, а самому уходить как можно скорее и не оглядываться. Этот рубль и есть неразменный или безрасходный, – то есть сколько ни отдавайте его в уплату за что-нибудь, – он всё-таки опять является в кармане. Чтобы заплатить, например, сто рублей, надо только сто раз опустить руку в карман и оттуда всякий раз вынуть рубль.

Конечно, это поверье пустое и нестаточное; но есть простые люди, которые склонны верить, что неразменные рубли действительно можно добывать. Когда я был маленьким мальчиком, и я тоже этому верил.

Глава вторая

Раз, во время моего детства, няня, укладывая меня спать в рождественскую ночь, сказала, что у нас теперь на деревне очень многие не спят, а гадают, рядятся, ворожат и, между прочим, добывают себе «неразменный рубль». Она распространилась на тот счёт, что людям, которые пошли добывать неразменный рубль, теперь всех страшнее, потому что они должны лицом к лицу встретиться с дьяволом на далёком распутье и торговаться с ним за чёрную кошку; но зато их ждут и самые большие

радости… Сколько можно накупить прекрасных вещей за беспереводный рубль! Что бы я наделал, если бы мне попался такой рубль! Мне тогда было всего лет восемь, но я уже побывал в своей жизни в Орле и в Кромах и знал некоторые превосходные произведения русского искусства, привозимые купцами к нашей приходской церкви на рождественскую ярмарку.

Я знал, что на свете бывают пряники жёлтые, с патокою, и белые пряники – с мятой, бывают столбики и сосульки, бывает такое лакомство, которое называется «резь», или лапша, или ещё проще «шмотья», бывают орехи простые и калёные; а для богатого кармана привозят и изюм, и финики. Кроме того, я видел картины с генералами и множество других вещей, которых я не мог всех перекупить, потому что мне давали на мои расходы простой серебряный рубль, а не беспереводный. Но няня нагнулась надо мною и прошептала, что нынче это будет иначе, потому что беспереводный рубль есть у моей бабушки, и она решила подарить его мне, но только я должен быть очень осторожен, чтобы не лишиться этой чудесной монеты, потому что она имеет одно волшебное, очень капризное свойство.

– Какое? – спросил я.

– А это тебе скажет бабушка. Ты спи, а завтра, как проснёшься, бабушка принесёт тебе неразменный рубль и скажет, как надо с ним обращаться.

Обольщённый этим обещанием, я постарался заснуть в ту же минуту, чтобы ожидание неразменного рубля не было томительно.

Глава третья

Няня меня не обманула: ночь пролетела как краткое мгновение, которого я и не заметил, и бабушка уже стояла над моею кроваткою в своём большом чепце с рюшевыми мармотками и держала в своих белых руках новенькую, чистую серебряную монету, отбитую в самом полном и превосходном калибре.

– Ну, вот тебе беспереводный рубль, – сказала она. – Бери его и поезжай в церковь. После обедни мы, старики, зайдём к батюшке, отцу Василию, пить чай, а ты один, – совершенно один, – можешь идти на ярмарку и покупать всё, что ты сам захочешь. Ты сторгуешь вещь, опустишь руку в карман и выдашь свой рубль, а он опять очутится в твоём же кармане.

– Да, – говорю, – я уже все это знаю.

А сам зажал рубль в ладонь и держу его как можно крепче. А бабушка продолжает:

– Рубль возвращается, это правда. Это его хорошее свойство, – его также нельзя и потерять; но зато у него есть другое свойство, очень невыгодное: неразменный рубль не переведётся в твоём кармане до тех пор, пока ты будешь покупать на него вещи, тебе или другим людям нужные или полезные, но раз что ты изведёшь хоть один грош на полную бесполезность – твой рубль в то же мгновение исчезнет.

– О, – говорю, – бабушка, я вам очень благодарен, что вы мне это сказали; но поверьте, я уж не так мал, чтобы не понять, что на свете полезно и что бесполезно.

Бабушка покачала головою и, улыбаясь, сказала, что она сомневается; но я её уверил, что знаю, как надо жить при богатом положении.

– Прекрасно, – сказала бабушка, – но, однако, ты всё-таки хорошенько помни, что я тебе сказала.

– Будьте покойны. Вы увидите, что я приду к отцу Василию и принесу на загляденье прекрасные покупки, а рубль мой будет цел у меня в кармане.

– Очень рада, – посмотрим. Но ты всё-таки не будь самонадеян; помни, что отличить нужное от пустого и излишнего вовсе не так легко, как ты думаешь.

– В таком случае не можете ли вы походить со мною по ярмарке?

Бабушка на это согласилась, но предупредила меня, что она не будет иметь возможности дать мне какой бы то ни было совет или остановить меня от увлечения и ошибки, потому что тот, кто владеет беспереводным рублем, не может ни от кого ожидать советов, а должен руководиться своим умом.

– О, моя милая бабушка, – отвечал я, – вам и не будет надобности давать мне советы, – я только взгляну на ваше лицо и прочитаю в ваших глазах всё, что мне нужно.

– В таком разе идем. – И бабушка послала девушку сказать отцу Василию, что она придёт к нему позже, а пока мы отправились с нею на ярмарку.

Глава четвёртая

Погода была хорошая, – умеренный морозец с маленькой влажностью; в воздухе пахло крестьянской белой онучею, лыком, пшеном и овчиной. Народу много, и все разодеты в том, что есть лучшего. Мальчишки из богатых семей все получили от отцов на свои карманные расходы по грошу и уже истратили эти капиталы на приобретение глиняных свистулек, на которых задавали самый

бедовый концерт. Бедные ребятишки, которым грошей не давали, стояли под плетнём и только завистливо облизывались. Я видел, что им тоже хотелось бы овладеть подобными же музыкальными инструментами, чтобы слиться всей душою в общей гармонии, и… я посмотрел на бабушку…

Глиняные свистульки не составляли необходимости и даже не были полезны, но лицо моей бабушки не выражало ни малейшего порицания моему намерению купить всем бедным детям по свистульке. Напротив, доброе лицо старушки выражало даже удовольствие, которое я принял за одобрение: я сейчас же опустил мою руку в карман, достал оттуда мой неразменный рубль и купил целую коробку свистулек, да ещё мне подали с него несколько сдачи. Опуская сдачу в карман, я ощупал рукою, что мой неразменный рубль целёхонек и уже опять лежит там, как было до покупки. А между тем все ребятишки получили по свистульке, и самые бедные из них вдруг сделались так же счастливы, как и богатые, и засвистали во всю свою силу, а мы с бабушкой пошли дальше, и она мне сказала:

– Ты поступил хорошо, потому что бедным детям надо играть и резвиться, и кто может сделать им какую-нибудь радость, тот напрасно не спешит воспользоваться своею возможностью. И в доказательство, что я права, опусти ещё раз свою руку в карман и попробуй, где твой неразменный рубль?

Я опустил руку и… мой неразменный рубль был в моем кармане.

– Ага, – подумал я, – теперь я уже понял, в чём дело, и могу действовать смелее.

Глава пятая

Я подошёл к лавочке, где были ситцы и платки, и накупил всем нашим девушкам по платью, кому розовое, кому голубое, а старушкам по маленькому головному платку; и каждый раз, что я опускал руку

в карман, чтобы заплатить деньги, – мой неразменный рубль всё был на своем месте. Потом я купил для ключницыной дочери, которая должна была выйти замуж, две сердоликовые запонки и, признаться, сробел; но бабушка по-прежнему смотрела хорошо, и мой рубль после этой покупки тоже преблагополучно оказался в моём кармане.

– Невесте идёт принарядиться, – сказала бабушка, – это памятный день в жизни каждой девушки, и это очень похвально, чтобы её обрадовать, – от радости всякий человек бодрее

выступает на новый путь жизни, а от первого шага много зависит. Ты сделал очень хорошо, что обрадовал бедную невесту.

Потом я купил и себе очень много сластей и орехов, а в другой лавке взял большую книгу «Псалтырь», такую точно, какая лежала на столе у нашей скотницы. Бедная старушка очень любила эту книгу, но книга тоже имела несчастье прийтись по вкусу пленному телёнку, который жил в одной избе со скотницею. Телёнок по своему возрасту имел слишком много свободного времени и занялся тем, что в счастливый час досуга отжевал углы у всех листов «Псалтыря». Бедная старушка была лишена удовольствия читать и петь те псалмы, в которых она находила для себя утешение, и очень об этом скорбела.

Я был уверен, что купить для неё новую книгу вместо старой было не пустое и не излишнее дело, и это именно так и было: когда я опустил руку в карман – мой рубль был снова на своем месте.

Я стал покупать шире и больше, – я брал всё, что, по моим соображениям, было нужно, и накупил даже вещи слишком рискованные, – так, например, нашему молодому кучеру Константину я купил наборный поясной ремень, а весёлому башмачнику Егорке – гармонию. Рубль, однако, всё был дома, а на лицо бабушки я уж не смотрел и не допрашивал её выразительных взоров. Я сам был центр всего, – на меня все смотрели, за мною все шли, обо мне говорили.

– Смотрите, каков наш барчук Миколаша! Он один может скупить целую ярмарку, у него, знать, есть неразменный рубль.

И я почувствовал в себе что-то новое и до тех пор незнакомое. Мне хотелось, чтобы все обо мне знали, все за мною ходили и все обо мне говорили – как я умен, богат и добр.

Мне стало беспокойно и скучно.

Глава шестая

А в это самое время, – откуда ни возьмись – ко мне подошел самый пузатый из всех ярмарочных торговцев и, сняв картуз, стал говорить:

– Я здесь всех толще и всех опытнее, и вы меня не обманете. Я знаю, что вы можете купить всё, что есть на этой ярмарке, потому что у вас есть неразменный рубль. С этим не шутка удивлять весь приход, но, однако, есть кое-что такое, чего вы и за этот рубль не можете купить.

– Да, если это будет вещь ненужная, – так я её, разумеется, не куплю.

– Как это «ненужная»? Я вам не стал бы и говорить про то, что не нужно. А вы обратите внимание на то, кто окружает нас с вами, несмотря на то, что у вас есть неразменный рубль. Вот вы себе купили только сластей да орехов, а то вы всё покупали полезные вещи для других, но вот как эти другие помнят ваши благодеяния: вас уж теперь все позабыли.

Я посмотрел вокруг себя и, к крайнему моему удивлению, увидел, что мы с пузатым купцом стоим, действительно, только вдвоём, а вокруг нас ровно никого нет. Бабушки тоже не было, да я о ней и забыл, а вся ярмарка отвалила в сторону и окружила какого-то длинного, сухого человека, у которого поверх полушубка был надет длинный полосатый жилет, а на нем нашиты стекловидные пуговицы, от которых, когда он поворачивался из стороны в сторону, исходило слабое, тусклое блистание.

Это было всё, что длинный, сухой человек имел в себе привлекательного, и, однако, за ним все шли и все на него смотрели, как будто на самое замечательное произведение природы.

– Я ничего не вижу в этом хорошего, – сказал я моему новому спутнику.

– Пусть так, но вы должны видеть, как это всем нравится. Поглядите, – за ним ходят даже и ваш кучер Константин с его щегольским ремнём, и башмачник Егорка с его гармонией, и невеста с запонками, и даже старая скотница с её новою книжкою. А о ребятишках с свистульками уже и говорить нечего.

Я осмотрелся, и в самом деле все эти люди действительно окружали человека с стекловидными пуговицами, и все мальчишки на своих свистульках пищали про его славу.

Во мне зашевелилось чувство досады. Мне показалось всё это ужасно обидно, и я почувствовал долг и призвание стать выше человека со стекляшками.

– И вы думаете, что я не могу сделаться больше его?

– Да, я это думаю, – отвечал пузан.

– Ну, так я же сейчас вам докажу, что вы ошибаетесь! – воскликнул я и, быстро подбежав к человеку в жилете поверх полушубка, сказал: – Послушайте, не хотите ли вы продать мне ваш жилет?

Глава седьмая

Человек со стекляшками повернулся перед солнцем, так что пуговицы на его жилете издали тусклое блистание, и отвечал:

– Извольте, я вам его продам с большим удовольствием, но только это очень дорого стоит.

– Прошу вас не беспокоиться и скорее сказать мне вашу цену за жилет.

Он очень лукаво улыбнулся и молвил:

– Однако вы, я вижу, очень неопытны, как и следует быть в вашем возрасте, – вы не понимаете, в чём дело. Мой жилет ровно ничего не стоит, потому что он не светит и не греет, и потому я отдаю вам даром, но вы мне заплатите по рублю за каждую нашитую на нём стекловидную пуговицу, потому что эти пуговицы хотя тоже не светят и не греют, но они могут немножко блестеть на минутку, и это всем очень нравится.

– Прекрасно, – отвечал я, – я даю вам по рублю за каждую вашу пуговицу. Снимайте скорей ваш жилет.

– Нет, прежде извольте отсчитать деньги.

– Хорошо.

Я опустил руку в карман и достал оттуда один рубль, потом снова опустил руку во второй раз, но… карман мой был пуст… Мой неразменный рубль уже не возвратился… он пропал. он исчез. его не было, и на меня все смотрели и смеялись.

Я горько заплакал и. проснулся.

Глава восьмая

Было утро; у моей кроватки стояла бабушка, в её большом белом чепце с рюшевыми мармотками, и держала в руке новенький серебряный рубль, составлявший обыкновенный рождественский подарок, который она мне дарила.

Я понял, что всё виденное мною происходило не наяву, а во сне, и поспешил рассказать, о чём я плакал.

– Что же, – сказала бабушка, – сон твой хорош, – особенно если ты захочешь понять его, как следует. В баснях и сказках часто бывает сокрыт особый затаённый смысл. Неразменный рубль – по-моему, это талант, который Провидение даёт человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутии четырёх дорог, из которых с одной всегда должно быть видно кладбище. Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чём для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие. Всё, что он сделает для истинного счастья своих ближних, никогда не убавит его духовного богатства, а напротив – чем он более черпает из своей души, тем она становится богаче.

Человек в жилетке сверх тёплого полушубка – есть суета, потому что жилет сверх полушубка не нужен, как не нужно и то, чтобы за нами ходили и нас прославляли. Суета затемняет ум. Сделавши кое-что – очень немного в сравнении с тем, что бы ты мог ещё сделать, владея безрасходным рублём, ты уже стал гордиться собою и отвернулся от меня, которая для тебя в твоём сне изображала опыт жизни. Ты начал уже хлопотать не о добре для других, а о том, чтобы все на тебя глядели и тебя хвалили. Ты захотел иметь ни на что не нужные стекляшки, и – рубль твой растаял. Этому так и следовало быть, и я за тебя очень рада, что ты получил такой урок во сне. Я очень бы желала, чтобы этот рождественский сон у тебя остался в памяти. А теперь поедем в церковь и после обедни купим всё то, что ты покупал для бедных людей в твоем сновидении.

– Кроме одного, моя дорогая.

Бабушка улыбнулась и сказала:

– Ну, конечно, я знаю, что ты уже не купишь жилета с стекловидными пуговицами.

– Нет, я не куплю также и лакомств, которые я покупал во сне для самого себя.

Бабушка подумала и сказала:

– Я не вижу нужды, чтобы ты лишил себя этого маленького удовольствия, но… если ты желаешь за это получить гораздо большее счастье, то. я тебя понимаю.

И вдруг мы с нею оба обнялись и, ничего более не говоря друг другу, оба заплакали. Бабушка отгадала, что я хотел все мои маленькие деньги извести в этот день не для себя. И когда это было мною сделано, то сердце мое исполнилось такой радостью, какой я не испытывал до того ещё ни одного раза. В этом лишении себя маленьких удовольствий для пользы других я впервые испытал то, что люди называют увлекательным словом – полное счастие, при котором ничего больше не хочешь.

Каждый может испробовать сделать в своем нынешнем положении мой опыт, и я уверен, что он найдёт в словах моих не ложь, а истинную правду.

Лидия Чарская

Урок

Рано утром приходила чухонка-молочница и настойчиво просила денег. За последние два месяца ей не платили. Потом, от имени управляющего домом, старший дворник требовал освободить квартиру в трёхдневный срок. Этому было в последний раз заплачено в июле, а теперь, слава Богу, был уже октябрь на дворе. Других бы выселили давным-давно, но ещё жило в памяти Старшего приятное воспоминание о тех днях, когда старушка Филатова вместе с мужем, капитаном в отставке, и с внучкой Верой занимали квартиру N 45, в четыре большие комнаты с двумя ходами, и тогда на долю Старшего выпадало немало полтинников на чаи. Из уважения к печальному положению капитанши Старший ждал квартирных денег пока мог и управляющий тоже. Но и управляющий, и Старший наконец почувствовали необходимость выселить Филатовых из крошечной квартирки в одну комнату и кухню, где-то на третьем дворе, куда они обе переехали после смерти капитана.

Верочка была в отчаянии. Бабушка лежала уже неделю с жесточайшим приступом ревматизма, денег не было ни копейки в доме, а тут… извольте в трёхдневный срок освободить квартиру!.. И как назло, до получения бабушкиной пенсии остается ещё целая неделя! Да и велика ли пенсия! Тридцать пять рублей шестьдесят две копейки! Одна квартира стоит двадцать, с дровами, правда, но с другой стороны, как можно питаться, одеваться, ездить на конках в продолжение целого месяца на ничтожную сумму в 15 рублей?! А тут еще этот долг за три месяца за квартиру, и молочница, и булочник, и лавка! Главное лавка! В последний раз, когда Верочка бегала туда за хлебом и картофелем (за всё это время хлеб и картофель составляли самую существенную пищу бабушки и внучки), приказчик из мелочной с ехидной усмешечкой обратился к ней, Верочке, со словами: «А за вами, барышня, значится изрядный должок», заставив вспыхнуть до ушей бедную Верочку.

И здесь должок! И там тоже. Всюду! Всюду! Если б Верочка была старше и не училась в гимназии (какое счастье ещё, что за примерное прилежание её в прошлом году освободили от платы за ученье!), о, она сумела бы найти выход! Она давала бы уроки, брала бы переписку на дом, выучилась бы печатать на пишущей машинке, а сейчас.

Сейчас Верочка бессильна. Есть от чего прийти в отчаяние и горько-горько плакать по ночам, уткнувшись лицом в подушку!

* * *

– Верочка! Ты уже уходишь?

– Да, бабушка!

– В гимназию, дружочек?

– Да!

Верочка не умеет лгать и целует бабушку, стараясь избежать тревожно обращённого на неё взгляда старушки.

– Если пожелаете кофе, я поставила в духовку. Нарочно затопила плиту с шести часов, чтобы тёпленький выпили. Картошку тоже сварила, бабушка… Захотите кушать – не ждите меня! Хлеб на столе под тарелкой. До свиданья, бабушка! Господь с вами!

– До свиданья, пчёлка-хлопотуша моя!

Бабушка крестит Верочку, Верочка – бабушку. Это уж у них так заведено с тех пор, как осиротели они со смерти дедушки, обе – девочка и старушка. Раньше дедушка крестил бабушку. Теперь дедушки нет. Он спит последним непробудным сном на Смоленском кладбище, и его трогательную обязанность Верочка взяла на себя.

– До свиданья, милая бабушка!

– До свиданья, деточка моя!

Старушка Филатова с трудом поднимается

с постели, идет в кухню, морщась от боли в ногах, чтобы запереть входную дверь за внучкой. Исполнив это, она ещё стоит с минуту, прислушиваясь к тому, как постукивают по каменным ступенькам лестницы знакомые Верочкины каблучки.

– Господь с нею! Господь с нею! – лепечет бабушка, и её теперь всегда печальные старческие глаза слезятся. Потом она внимательным, долгим взором окидывает окружающую обстановку. Бедный, тесный, но все еще милый уголок!

– Через три дня выселяться надо, а куда и с чем?! – с тоской шепчут её губы. – Господь Милосердный, каково-то всё это отразится на Верочке?! Боже мой! Боже мой! Будь милостив к ней…

Глаза бабушки обращаются к висевшему в углу киоту (единственное сокровище, оставшееся от прежней жизни), и она продолжает молиться за Верочку. За себя ей, бабушке, нечего молиться. Ей немного надо. Угол в богадельне, койка и всё. Её песенка спета. А вот Верочка. Верочка. С трудом старуха опускается на колени. Больные ноги что-то плохо сгибаются в суставах.

– Верочку только спаси, Господи! – молит она Всевышнего, – Верочку! Она такая чуткая, добрая, кроткая! Помилуй её, Матерь

Божия! Царица Небесная, помилуй её!

* * *

Верочка шагает быстро по мокрым от дождя тротуарам. Дождик хлещет вовсю, а галош у неё нет. Неприятно получить насморк и кашель к дополнению всего.

Не хочется мочить ног. Верочка старается ступать на пальцы. Меньше шансов, таким образом, промочить ступни. Зонтик у Верочки старенький, дырявый и плохо предохраняет от дождя. Но всё-таки нельзя без него. Фетр на шляпке намокнет, и без того вылинявшая от времени шляпа станет уже совсем безобразной. Верочка шагает быстро, как скороход. Сначала ей холодно в её летней жакетке (осенней у неё нет), потом мало-помалу быстрая ходьба делает своё дело, и Верочка согревается на славу. Теперь, когда отогрелась немного, можно пойти и потише. Ведь не в гимназию спешит…

Да, не в гимназию. А бабушка-то и не подозревает. Нехорошо, что она, Верочка, обманула свою старушку! Очень нехорошо. Но. а вдруг бы она сказала бабушке, а там бы ничего не вышло. Даром бы обнадёжила только. Нет, нет! Пожалуй, так и лучше! Предостерегать бабушку от лишних волнений. Конечно, так. Проходя мимо думы, Верочка взглянула на часы. Без четверти девять! Успею как раз вовремя. Надо прибавить ходу.

И она снова зашагала быстрее, вся маленькая, тоненькая, с толстой белокурой косою, свитой на затылке, и большими задумчивыми серыми глазами на бледном, худеньком, совсем ещё детском лице. Через пять минут Верочка осторожным робким звонком давала знать о своём приходе у дверей первого этажа большого богатого дома на Караванной. Толстая, в ситцевом платье, с заспанным лицом прислуга в грязном переднике открыла ей.

– Вам кого? – не совсем любезным тоном проговорила она, подозрительно косясь на мокрые ноги Верочки.

Та смутилась:

– Мне… я… по объявлению… Было от вас объявление в газете. Учительницу сюда нужно. Так. я.

– Погодите! – точно отрезала толстуха и перед самым носом Верочки захлопнула дверь.

И сердце Верочки точно захлопнулось вместе с дверью. А вдруг не пустят её больше сюда?! Может быть, приняли за воровку, за авантюристку какую-нибудь, боятся, чтобы она чего-нибудь не стащила в прихожей. Даже на порог прислуга

побоялась впустить ее, Верочку! А все из-за того, что у неё старенькая кофточка, плохая шляпа и заплатанные башмаки. Отчаяние охватило душу Верочки. Она готова была уже спуститься с лестницы, так как, по-видимому, было мало надежды, что снова откроется дверь.

И вот, когда слёзы готовы были брызнуть из глаз Верочки, желанная дверь распахнулась с грохотом, та же толстуха появилась на пороге и пробасила:

– Входите, што ль! Раздевайтесь. Сама говорить сейчас будет с вами!

Верочка не без трепета перешагнула порог и, волнуясь, стала снимать с себя верхнее платье. Едва только успела она освободиться от кофточки, как тяжёлые шаги за спиной заставили её обернуться. Верочка увидела перед собой невысокую, очень полную женщину, с гладко причёсанной, на пробор, головой, в турецком пёстром капоте.

– Вы что ж это, по объявлению пришли? – кивнув Верочке в ответ на её вежливый поклон, проговорила хозяйка.

– Да, – робко ответила Верочка.

– Батюшки-светы. Да никак вы сами ученица-то! – вырвалось не то изумленно, не то испуганно из груди женщины.

– Да!

– Царица Небесная! Да сколько вам лет-то?

– Шестнадцать!

– Святители мои! Я бы и тринадцати не дала по виду!

Верочка смутилась. Действительно, она очень миниатюрна и кажется, несмотря на свои шестнадцать лет, чуть ли не двенадцатилетним ребенком.

Она стояла, точно к смерти приговорённая, перед хозяйкой квартиры и мучительно краснела под её пристальным, в самую душу, казалось, проникающим взглядом. А та между тем говорила:

– Уж и не знаю, как поступить! Сам-то, муж мой, то есть, строго наказывал перед тем, как ехать в магазин (у нас фруктовый магазин, знаете), учительницу постепеннее да построже нанять, чтобы с моими Гусынями справляться. Уж очень они у нас туги на ученье-то… По два года сидят в каждом классе. А уж годов немало. Уж чего-чего отец не придумывал с ними! И в комнату под замок с книжкой запирал, и за косу трепал, ничего, то есть, не помогает! Я и то ему говорю: «Брось, – говорю, – Акиша, на их век хватит ученья-то! Не бесприданницы какие, – говорю, – не в учительницы им идти! Слава богу, проживут и с тем, что понахватали в школе!» Меня саму покойный родитель не очень чтобы к науке нудил, и вот, слава богу, до седых волос

дожила счастливо, как дай бог всякому. А он мне на это, сам-то: «Молчи, Прасковья Фёдоровна, нынче другие времена пошли!» Нынче, говорит, без науки ни шагу. Нынче неучёный человек, что слепой. Хочу, говорит, беспременно, моих Гусынь в люди вывести (это он Гусынями дочек называет). Ну, понятно, кто ему перечить станет! Взяла да и послала в газету объявление. Ищут репети… репети… ох, и не вымолвить сразу!

Проговорив одним духом всё это и сбившись на последнем слове, сама замолчала.

Молчала и Верочка. Неловкие, тяжёлые потянулись минуты.

У противоположных дверей, ведущих в следующую комнату, слышалась какая-то подозрительная возня и заглушённый смех.

– Это Гусыни мои гогочут! – предупредительно пояснила хозяйка, перехватывая недоумевающий взгляд Верочки, обращённый к дверям. Потом недовольно-ворчливым голосом крикнула на всю квартиру: – Под потолок выросли, а ума не нажили! Сто раз наказывала вам под дверьми не слушать. Ступайте сюды, коли уж невтерпёж поглядеть охота. Поля, Даша!

И едва успела договорить хозяйка, как дверь широко раскрылась, и две высокие, полные, упитанные, румяные девицы появились на её пороге. Они обе как две капли воды походили на мать. Их молодые, пышущие румянцем лица так и сияли весельем, задором юности и полным довольством жизнью и собой. По виду им было лет по семнадцать каждой. Несмотря на это, обе казались неуклюжими подростками благодаря коротким платьям и туго заплетённым в толстые косички, по-детски, волосам.

– Здравствуйте! – проговорили они обе сразу, точно по команде, и протянули свои большие пухлые руки Верочке. – Вы репетировать с нами будете? Да?

Верочка смущённо и вопросительно взглянула на хозяйку.

Та развела руками:

– Уж и не знаю, что делать! Ума не приложу! Как бы сам чего доброго не рассердился. Ребёнка, скажет, не учительницу взяла! То-то. А по виду-то вы мне нравитесь: скромная, тихая, видать, девица. Вы вот что: заходите-ка вечером ужо. Я с мужем переговорю, как он вернётся. Тогда и ответ дам. Вы по каким часам заниматься-то станете?

– После гимназии, если позволите. Так с трех до пяти.

– И очень даже прекрасно! Мои Гусыни тоже к этому времени домой из гимназии приходят.

– Мамочка! Как вам не совестно нас так при посторонних называть! – взмолилась одна из дочерей.

– Ну ладно, от слова не поглупеете больше, – отмахнулась от

них мать. Потом снова проговорила по адресу Верочки:

– Так вы вечерком ужо забегите! А не то ваш адрес дайте… Поля, запиши… Малаша за булками вечером пойдёт, прогуляется и до вашей квартиры. Вы где живёте?

Верочка поторопилась дать адрес.

– Вы одна или при родителях? – не без некоторой доли любопытства осведомилась хозяйка.

– Нет. Я с бабушкой.

– Так, так. Сирота, значит.

– Да.

– Ну, Господь с вами, ступайте. Как сам домой вернётся, мы вас и оповестим. А условия наши в газете были, так что об иных каких и не приходится говорить.

И пожав руку Верочке своей пухлой мягкой ручкой, хозяйка вышла. Её обе дочери остались с девушкой. Обе девицы смотрели на нее ласковыми, доброжелательными глазами, точно хотели сказать: «Не беспокойся, пожалуйста, ты нам очень нравишься, очень, очень!»

Смущённая Верочка поторопилась распроститься с ними и уйти.

* * *

Дождь перестал, но на улицах было по-прежнему сыро и неприглядно, когда Верочка торопливо шагала по направлению к своей крохотной квартирке на Боровой. Было около одиннадцати часов, и идти в гимназию не стоило так поздно.

Тихо-тихо позвонила Верочка, чтобы не испугать бабушку у своей двери. Но тем не менее старушка уже встревожилась её ранним приходом.

– Что ты так рано, деточка, разве вас распускают в такие часы? – взглянув в лицо внучки, взволнованным голосом осведомилась старушка.

Верочка встретила этот взгляд, потупилась и вспыхнула до корней волос. Она не хотела лгать. Да и не умела.

Обняв за шею обеими руками свою старушку, она рассказала ей всё, всю свою маленькую тайну, спрятав пылающее личико на её груди. Захлёбываясь словами, Верочка торопилась облегчить свою душу признанием.

– Только теперь надо вооружиться терпением, бабушка, и ждать до вечера. Каков-то будет ответ?!

Старушка ничего не сказала. Только глаза подняла на образ. А в сердце её воскресла мгновенно такая огромная, такая жгучая

радость, что, казалось, оно, это бедное старенькое сердце, не выдержит её. И не за урок, не за возможность выхода из нужды, посланную им Богом, благодарила Его, Милостивого, в эти минуты старушка, а за то, что есть у неё Верочка, редкая, заботливая, сокровище-Верочка, какой другой не сыщется во всем мире!

Весь этот день Верочка провела в тревоге. Каков-то окажется ответ купчихи! Что ожидает её? А бабушка была спокойна. Бабушка знала твёрдо, бабушка верила, что доброе начало не останется без награды. Верочка хотела трудиться для своей старушки. Стало быть, Бог Милосердный поддержит Верочку. И бабушка не ошиблась.

Ровно в семь пришла толстая Малаша. Письма она не принесла никакого. Только передала на словах.

– Велели приходить завтра. В три часа. Сам согласился.

И только.

Но с этой коротенькой фразой для бабушки с Верочкой началась новая жизнь.

* * *

Старшего удалось убедить подождать ещё месяц с платой за квартиру. Удалось упросить отсрочки и у прочих кредиторов. А тут ещё подвернулся и другой урок. Фруктовщица, как называла за глаза мать Гусынь Верочка, рекомендовала её в дом своих знакомых, где требовалось готовить маленькую дочку. Дела бабушки и Верочки поправились сразу. Верочка ожила, повеселела. Ожила и бабушка. Теперь у неё была возможность приобретать лекарство от ревматизма и питаться не одним картофелем с хлебом.

А через год, когда Верочка окончит гимназию и исключительно примется давать уроки, о, тогда!..

Об этом славном времечке сладко мечтают обе – и бабушка, и внучка!

Александр Куприн

Бедный принц

I

«Замечательно умно! – думает сердито девятилетний Даня Иевлев, лёжа животом на шкуре белого медведя и постукивая каблуком о каблук поднятых кверху ног. – Замечательно! Только большие и могут быть такими притворщиками. Сами заперли меня в тёмную гостиную, а сами развлекаются тем, что увешивают ёлку. А от меня требуют, чтобы я делал вид, будто ни о чём не догадываюсь. Вот они какие – взрослые!»

На улице горит газовый фонарь и золотит морозные разводы на стёклах, и, скользя сквозь листья латаний и фикусов, стелет лёгкий золотистый узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый бок рояля.

«Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёлке? – продолжает размышлять Даня. – Ну, придут знакомые мальчики и девочки и будут притворяться, в угоду большим, умными и воспитанными детьми… За каждым гувернантка или какая-нибудь старенькая тётя. Заставят говорить всё время по-английски. Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправлять маленьких. Велят ходить цепью вокруг ёлки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под ёлкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актерским, „давлючим“, как говорит Сонина няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную ёлку богача. А потом подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками… А коньков или лыж уж наверно не подарят. И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые. Вот и папа. он самый главный человек в городе и, конечно, самый учёный. недаром его называют городской головой. Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребёнок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решился стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шёлковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне».

Мальчик лениво встал с медведя, подошёл, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потёр

рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нём коричневая из рубчатого бархата курточка, такие же штанишки по колено, чёрные гетры и толстые штиблеты на шнурках, отложной крахмальный воротник и белый галстук. Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно-бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного посильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, тёплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта… опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Дженерс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют её. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! «Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!»

«Ох, уж эти мне женщины! – вздыхает Даня, серьезно повторяя любимое отцовское восклицание. – Весь дом полон женщинами – тётя Катя, тётя Лиза, тётя Нина, мама, англичанка… женщины, ведь это те же девчонки, только старые. Ахают, суетятся, любят целоваться, всего пугаются – мышей, простуды, собак, микробов. И Даню тоже считают точно за девочку. Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого путешественника! Нет! Вот назло возьму, насушу сухарей, отолью в пузырёк папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности».

Нет, нет, всё это мечты, одни мечты. С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: «Ты наш прынц». И правда, Даня, когда был маленьким, думал, что он – волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

II

Окно выходит в соседний двор. Странный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он приникает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещённая изнутри каким-то скрытым огнём.

Даня хорошо знает, что всё это – детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слыхал о местном древнем южном обычае: под рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам – знакомым и незнакомым, – поют колядки и рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно-смелая мысль мелькает в голове Дани, – настолько смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съёживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придётся же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправляюсь на своём аэроплане через океан». Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу – сущие пустяки. Лишь бы только на его счастье старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошёл по всей лестнице. Слава богу, ярко освещённая передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Даня, как мышь, проскальзывает в тяжёлые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Чёрное небо, белый, скользский, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарём на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости – всё как сон!..

III

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми

и жёлтыми лучами, а самый маленький из колядников нёс на руках освещённый изнутри, сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик – «вертеп господень». Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал его имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьёзностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

– Господа, примите и меня-а-а…

Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сиплым голосом:

– А на кой ты нам ляд?!.

И тогда все заговорили разом:

– Иди, иди. Нам с тобой не велено водиться.

– И не треба.

– Тоже ловкий. мы по восьми копеек сложились.

– Хлопцы, да это же иевлевский паныч. Гаранька, это – ваш?..

– Наш!.. – с суровой стыдливостью подтвердил мальчишка кучера.

– Проваливай! – решительно сказал первый, осипший мальчик. – Нема тут тебе компании.

– Сам проваливай, – рассердился Даня, – здесь улица моя, а не ваша!

– И не твоя вовсе, а казённая.

– Нет, моя. Моя и папина.

– А вот я тебе дам по шее, – тогда узнаешь, чья улица…

– А не смеешь!.. Я папе пожалуюсь. А он тебя высекет…

– А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь. Иди, иди, откудова пришёл. У нас дело товарискоe. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь.

– Я и хотел вам денег дать. целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли. А теперь вот не дам!..

– И всё ты врёшь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

– А вот нет – есть!..

– Покажи!.. Всё ты врёшь.

Даня побренчал деньгами в кармане.

– Слышишь?..

Мальчики замолчали в раздумье. Наконец сиплый высморкался двумя пальцами и сказал:

– Ну-к что ж. Давай деньги – иди в компанию. Мы думали,

что ты так, нашармака хочешь!.. Петь можешь?..

– Чего?..

– А вот «Рождество твое, Христе Боже наш». колядки ещё тоже.

– Могу, – сказал решительно Даня.

IV

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещенными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы – тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, – начинал сиплым и гнусавым голосом:

Рождество твое, Христе Боже наш…

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

Воссия мирови свет разума.

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти бесконечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда-красна, как Христос народился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая, толстая баба с вeником и кричала грозно:

– Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые… Гэть!.. Кыш до дому!

Один раз на них накинулся огромный городовой, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы.

– Що вы тут, стрекулисты, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стая воробьёв после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дане было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий

сугроб. Снег сразу набился Дане в рот и в нос. Он был нежен и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчики остановились. Городовой и не думал за ними гнаться.

Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворницкие. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьянённый воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, весёлые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всём на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мерзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили тёплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивлённо ахнул, увидя перед собою нос к носу тётю Нину и мисс Дженерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

– Слава тебе, господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городового, так и теперь они прыснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звук их торопливых ног.

Тётя Нина – за одну руку, мисс Дженерс – за другую повели беглеца домой.

Мама была в слезах – бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние потеряв головы бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямотой Даня подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжёлым наказанием и послали переодеться.

Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в

новом красивом костюме. Щёки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

– А ведь Дане полезен воздух, – сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. – Вы дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробегался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика все время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили сразу такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

– Довольно, довольно! Будет… будет… Делайте, как хотите. Ох, уж эти мне женщины!..

19 декабря 1909 г.

Иван Бунин

Снежный бык

В час ночи, зимней, деревенской, до кабинета доносится из дальних комнат жалобный детский плач. Дом, усадьба село – все давно спит. Не спит только Хрущёв, он сидит читает, порою останавливает усталые глаза на огнях свечей: – Как всё прекрасно! Даже этот голубой стеарин!

Огни, их золотисто-блестящие острия с прозрачными ярко-синими основаниями, слегка дрожат, – и слепит глянцевитый лист большой французской книги. Хрущёв подносит к свече руку, – становятся прозрачными пальцы, розовеют края ладони. Он, как в детстве, засматривается на нежную, ярко-алую жидкость, которой светится и сквозит против огня его собственная жизнь.

Плач раздается громче, – жалобный, умоляющий.

Хрущёв встаёт и идёт в детскую. Он проходит тёмную гостиную, – чуть мерцают в ней подвески люстры, зеркало, – проходит тёмную диванную, тёмную залу, видит за окнами лунную ночь, ели палисадника и бледно-белые пласты, тяжело лежащие на их чёрно-зелёных, длинных и мохнатых лапах. Дверь в детскую отворена, лунный свет стоит там тончайшим дымом. В широкое окно без занавесок просто, мирно глядит снежный озарённый двор. Голубовато белеют детские постели. В одной спит Арсик. Спят на полу деревянные кони, спит на спине, закатив свои круглые стеклянные глаза, беловолосая кукла, спят коробки, которые так заботливо собирает Коля. Он тоже спит, но во сне поднялся в своей постельке, сел и заплакал горько, беспомощно, – маленький, худенький, большеголовый…

– В чём дело, дорогой мой? – шепчет Хрущёв, садясь на край постельки, вытирая платком личико ребёнка и обнимая его щупленькое тельце, что так трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимся сердечком.

Он берёт его на колени, покачивает, осторожно целует.

Ребёнок прижимается к нему, дергается от всхлипываний, понемногу затихает. Что это будит его вот уже третью ночь?

Луна заходит за лёгкую белую зыбь, лунный свет, бледнея, тает, меркнет – и через мгновение опять растет, ширится. Опять загораются подоконники, косые золотые квадраты на полу. Хрущёв переводит взгляд с пола, с подоконника на раму, видит светлый двор – и вспоминает: вот оно что, опять забыли сломать это белое чудище, что дети сбили из снега, поставили среди двора, против окна своей комнаты! Днём

Коля боязливо радуется на него, – это человекоподобный

обрубок с бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками, – ночью, чувствуя сквозь сон его страшное присутствие, вдруг, даже не проснувшись, заливается горькими слезами. Да снегур и впрямь страшен ночью, особенно если глядеть на него издали, сквозь стекла: рога поблёскивают, от головы, от растопыренных рук падает на яркий снег черная тень. Но попробуй-ка сломать его! Дети будут реветь с утра до вечера, хотя он всё равно уже тает понемногу: скоро весна, мокнут и дымятся в полдень соломенные крыши…

Хрущев осторожно кладёт ребёнка на подушку, крестит его и на цыпочках выходит. В прихожей он надевает оленью шапку, оленью куртку, застёгивается, поднимая чёрную узкую бороду. Потом отворяет тяжёлую дверь в сени, идёт по скрипучей тропинке за угол дома. Луна, не высоко стоящая над редким садом, что сквозит на белых сугробах, ясна, но по-мартовски бледна. Раковинки лёгкой облачной зыби тянутся кое-где по небосклону. Тихо мерцают в глубокой прозрачной синеве между ними редкие голубые звёзды. Молодой снежок чуть запорошил крепкий, старый. От бани в саду, стеклянно блещущей крышей, бежит гончая Заливка. «Здравствуй, – говорит ей Хрущёв. – Мы одни с тобой не спим. Жалко спать, коротка жизнь, поздно начинаешь понимать, как хороша она…»

Он подходит к снегуру и медлит минуту. Потом решительно, с удовольствием ударяет в него ногою. Летят рога, рассыпается белыми комьями бычья голова. Ещё один удар, – и остаётся только куча снега. Озарённый луной, Хрущёв стоит над нею и, засунув руки в карманы куртки, глядит на блещущую крышу. Он наклоняет к плечу свое бледное лицо с чёрной бородой, свою оленью шапку, стараясь уловить и запомнить оттенок блеска. Потом поворачивается и медленно идёт по тропинке от дома к скотному двору. Двигается у ног его, по снегу, косая тень. Дойдя до сугробов, он пробирается между ними к воротам. Ворота отзынуты. Он заглядывает в щель, откуда резко тянет северным ветром. Он с нежностью думает о Коле, думает о том, что в жизни всё трогательно, всё полно смысла, всё значительно. И глядит во двор. Холодно, но уютно там. Под навесами сумрак. Сереют передки телег, засыпанные снегом. Над двором – синее, в редких крупных звёздах небо. Половина двора в тени, половина озарена. И старые, косматые белые лошади, дремлющие в этом свете, кажутся зелёными.

29. VI 1911